

*Памяти
Александра Евгеньевича Махова*

SERENABIT

*Ты, спросишь, почему они скачут под дождем?
Есть верная надежда, что погода улучшится.
Верь в это и гони прочь облака из твоей души*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Почему похищение?	7
Глава 1. ПОХИЩЕНИЕ ДРАКОНОВ	9
Драка с драком	12
Дракон в тени.	20
Дракон на потеху.	23
Глава 2. МЕДУЗЫ В ПЕЧАЛИ	30
От чудища к герою	31
Неправильные медузы	39
Новый поворот.	44
Глава 3. ДЕВКИ ЗМЕИНЫ	57
В клубе змей	59
Гидрат дракона.	69
Демонический Екатерин	75
Глава 4. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ГИБРИДОМ.	83
Собачья красота	86
Харибда-2	92
Глава 5. ОБЛАЕВИЧ ЦЕРБЕР	97
Первые шаги	99
Собачка Платона	106
Зрелища из пасти	111
Глава 6. САТИРИЧЕСКИЕ КЕНТАВРЫ	116
И на дуде игрец	119
Совершеннейший осел	125

Игра в лошадки	128
Боевое крещение.	131
Сам черт связал веревочкой	141
Глава 7. СИРИНЫ-СИРЕНЫ	155
Венок русалок	157
Вилами по воде	163
Скромный платочек Улисса	167
Полюбить чудовище	178
Глава 8. ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ	184
Озверение мантикоры.	187
Мантикора в кармане	194
Бесхребетная химера	196
Загадка свинга.	205
Загадка систра.	213
Глава 9. ТРИ СЕСТРЫ	219
Что в имени тебе моем?	219
Золото для гарпий.	222
Лукомойры	233
Глава 10. ТВОИ ДРУЗЬЯ В АДУ	240
Кузнецы несчастья	248
А Харон?	252
Адский зоосад	255
Монстр-проводник.	268
Книги, полезные для чудовищных исследований.	270
Указатель источников: тексты про чудовищ.	278

Введение

Почему похищение?

В наши дни популярны «перевернутые» истории о том, как доблестный рыцарь отправляется на подвиг, но в итоге решает спасти не принцессу, а дракона. Или о том, как принцесса предпочитает колоритного монстра всем этим заурядным принцам. Несколько сотен лет назад люди тоже очень интересовались чудовищами: рисовали их и подробно описывали. Многих монстров «похищали» из иностранных источников, тексты перерабатывались — в результате возникали русские *свинги* (сфинксы) и *китоврасы* (кентавры), *мандихоры* (мантикоры) и кентавроидные *медузы*. В Средневековье эти чудовища были в основном злодеями, а читательский интерес к ним возникал скорее как тяга к страшному, невиданному. Зато сегодня наблюдать за метаморфозами чужеземных чудовищ — одно удовольствие. Надеюсь, вы разделите это удовольствие вместе со мной. С благодарностью прочту любые замечания и отвечу на вопросы, их можно направить по адресу o_kuznetsova@mail.ru.

В работе над этой книгой мне помогли многие замечательные специалисты: Николай Буцких, Игорь Вишня, Алла Волошина, Александра Головачёва, Дмитрий Гришин, Илья Иткин, Анна Куняева, Екатерина Матвеевко, Александр Евгеньевич Махов, Екатерина Пастернак, Алексей Аркадьевич Пауткин, Виолетта Потякина, Анастасия Преображенская, Алёна

и Анна Соловьевы, Виктория Ткаченко — этот список далеко не полон. Хочу поблагодарить за вдохновение и отзывчивость коллег из Московского университета, а также слушателей Школы юного филолога имени Л. М. Баш, участвовавших в чудовищном семинаре, особенно Ирину, Наталью и Тимофея Куценко, Александру Батрак, Ольгу Гаврилину, Марию Дурневу, Елизавету Евдокимову, Анастасию Корниенко, Савелия Мальковского, Елизавету Орлову, Алису Островскую, Наталью Павлову, Алекс Пешехонову, Екатерину Попко, Георгия Пушкарёва, Екатерину Судакову, Дарью Фролову, Евгению Фумм.

Глава 1

ПОХИЩЕНИЕ ДРАКОНОВ

Как ни грустно, в Древней Руси *змей* (он же дракон) был исключительно зловредным персонажем. Этот гигантский могучий монстр — традиционный соперник великого воина. Змей (он же — змей, дракон) — постоянный символ врага (от иноземного захватчика до лукавого идеологического оппонента), дьявола, смерти, ада, всего порочного в человеке. Это проклятие и наказание, посылаемое на целые города. Это, несомненно, одно из худших чудовищ, даже среди геральдических символов. В «Повести о Брунцвике» XVII в. (где, кстати, цель героя — добыть себе вовсе не царевну, а льва на герб) рыцарь наблюдает битву льва с «драком» и после долгих колебаний принимает сторону уставшего льва, то есть приходит ему на подмогу, выступая против огнедышащего чудовища.

Егда же прииде поближе на глас той, и узрев лва да драка, тако бо той змей — драк словоет. И силне биятся меж собою <...>. И взем меч свой, и прискочив к змею, начат с ним битися, заступая лва, уже бо было лву велми тяжко. А тот драк, сиеречь змей, имел 9 глав, а изо всякой главе огонь, яко ис печи, выходит.

Повесть о Брунцвике

Положительные оценки драконов появлялись на Руси только по недоразумению. Например, в алфавитном словаре XVII в. по соседству объяснялось два иностранных слова: имя *Демо-*

фил — дословно «народолюбец» — и название животного *Дракон* — «змей». Поскольку книги переписывались от руки, в них постоянно проникали ошибки. Правда, такие ошибки редко влияли на культуру кардинально, чаще они оставались отдельными смешными неточностями. Но по таким неточностям иногда можно видеть, как отдельные читатели затрудняются понять смысл какого-либо названия, например, потому что оно совсем новое или в принципе непростое [5]. В процессе многочисленных копирований текст про змея и человеколюбца соединился, а потом снова разделился и удвоился благодаря очередному редактору. В результате на разных страницах нового словаря оказались два слова с одинаковыми определениями: «Демофил — змей-народолюбец» и «Дракон — змей-народолюбец» (видимо, слово «Дракон» теперь тоже понималось как имя собственное). Но человеколюбивым змеем все не закончилось. Еще позже в статье о Демофиле появляется пояснение: «толкуется змий народолюбец, дьявол обогател, понеже обогал ко Адаму Бога» («Алфавит»). Абсолютному большинству читателей даже «испорченных» вариантов текста все-таки было ясно: если какой-то дракон и любит людей, то исключительно в гастрономическом отношении.

Несмотря на дурную репутацию, в Средневековье, а затем и в Новое время чудовища вызывали большой интерес даже у очень образованных, погруженных в книги людей. Поэтому сведения о драконах не только не обойдены вниманием, но бережно собраны и приумножены в русской культуре.

На рельефном изразце XVII в. изображено, как «некий царь» отдает свою дочь ужасному дракону. В центре картинки условный город и сам царь, стоящий в проеме врат. Справа от него несчастная царевна, обращенная к змею. Монстр запечатлен в боевой позе, вылезаящим из норы или озера. Слева

Некий царь сведе дочь свою змею. Муравленный изразец, XVII в.

и на заднем плане намечены зрители душераздирающей сцены, которая, судя по многочисленным копиям, явно интересовала и забавляла реальных людей XVII–XVIII вв. В другом варианте этого изразца [39] царевна стоит в проеме, а царь изображен возле норы, словно дающим чудищу зарок, а потом и среди зрителей (то есть в одной картинке совмещаются разные моменты, что характерно для древнерусской иллюстрации). Но как бы ни переосмыслились человеческие фигурки при копировании изразцовой формы, как бы ни стирался,

превращаясь в витиеватый орнамент, текст верхней надписи, — змей всегда остается в своем убежище, над которым отдельно выписано последнее слово фразы: «ЗМЕЮ». Потому что именно змей и ужасное жертвоприношение, а не какой-то безымянный царь является смысловым центром сюжета, создает его привлекательность.

Драка с драком

На Руси уже из первых переводных книг были известны истории о попытках скормить чужеземных царевен змееподобным монстрам. Самым популярным был сюжет о спасении византийской царевны Елисафы Георгием Победоносцем («чудо о змие»). В литературных изложениях этой легенды большое внимание уделено именно дракону: он размером с гору, он выходит из озера с ужасающими звуками, он дышит огнем и испускает яд (что вообще свойственно змеям). От его свиста кони сбрасывают всадников, а его бронированная чешуя неуязвима для стрел лучников. В Средневековье одно и то же произведение могли переводить или перерабатывать несколько раз: новые редакции часто содержат интересные дополнения, или, наоборот, в них последовательно исключаются какие-то темы. И в поздней пространной редакции этой повести особенно подчеркивается, что перед нами не просто змей, а воплощение самого зла, против которого выступает доблестный и праведный герой [61]. Поэтому торжество святого над драконом с самого начала соотносится со словами Псалтири: «И на аспид и василиск наступит, и попрет лва и змия» (ср. Пс. 90:13). В этой версии змею сопровождают и другие чудовища: «множество сотоническо», бесы, невидимо атакующие людей. У дракона китовая голова (кит, змей

и крокодил часто смешиваются и заменяют друг друга в Средневековье) на длинной шее, что напоминает автору гигантское здание, чудовищное вместилище. Наконец, змей прямо называется сатаной и дьяволом, трехголовым псом, что роднит его с адским Цербером, ненасытной пастью преисподней, огненной бездной, стремящейся сожрать весь мир (сказано, что погибающие от змея люди оказываются в аду).

Бе же близ града того езеро велико, и родисе у езере том пронырливы змей...

...сии речь дьявол кровопивец, его же величество неудобь сказати, его, да иже с яростию исходяще вон из воды свистанием великим, тогда людие не могоша терпети грозы его, страшны бо бе. Яко из него, егда же из езера исходяще, пуцая грозный яд с пламенем огненным, пожирая множества народа града того...

... Злый же змий грядый, аки гора велика, яко волны вышибая на брег, разверзе челюсти своя, аки пропасть — хотяше пожрети святаго <...> проклятый же свився и наложи язык свой, яко стрелу остру, и яда наполни уста своя, и прыскнув на святаго...

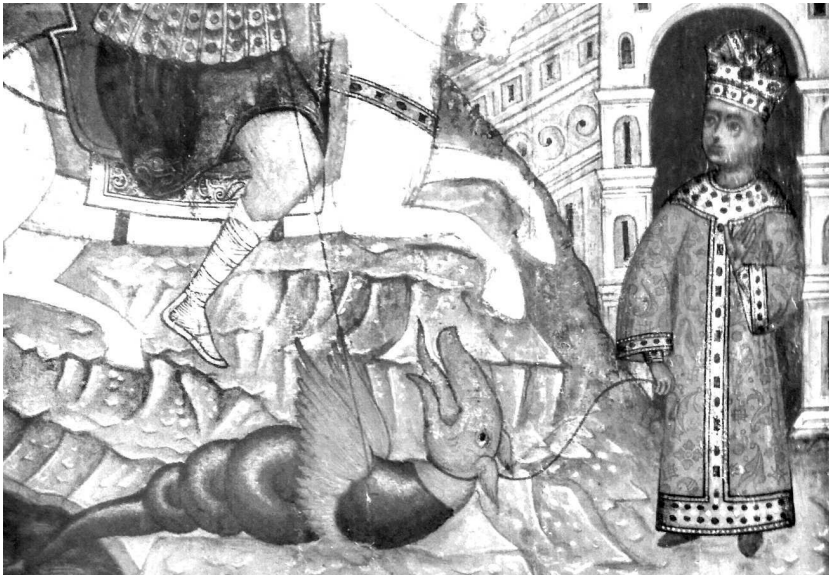
...от пламеньнаго възрения его и злодохновенья пары и страшнаго зезания его всяко спроста ослепляшесе естество, ни стрела бо частых и гордых чешюи его прикасашесе...

...губительный си зверь от сраженья вод предних же, хоботом его бьемых, от дыма ноздрьнаго и от пары изригаемо и от верзенаго оногo гортани его, и от искрометною оною очию, и от оногo ужасьнаго и злаго взора его <...>

въздвиг китовьскую его и неутомленную главу на въздух и многотяжкую его шию, яко комару велику и высокоу, възнесе и зинув велми, яко пропастью...

Чудо со змеем,
бывшее со святым великомучеником Георгием

Собственно, борьба Георгия с драконом не совсем настоящая, это символ. Но многоликий чудовищный образ зла в виде змея для составителей разных редакций этой легенды явно очень привлекателен: они его исследуют, уточняют, подбирают к нему новые сравнения. И если момент схватки с чудовищем не так уж интересен (обычно дракон укрощается чудесным образом, без применения особой силы со стороны героя), то сам змей интересен весьма. На изображениях он размещается под копытами всадника очень аккуратно — так, чтобы можно было рассмотреть во всех изгибах его змеящееся тело, — а тонкий волосок копья, символическое оружие Георгия, не заслоняет собой чудовище. Еще один известный тип изображения — вместе с царевной, «змей на веревочке»: чудовище, связанное пояском, выводится на потеху добрым людям. Поводок обычно держит сама героиня. Униженный дракон ходит «на персех и чревы» — то есть пресмыкается, ползает, как библейский змей-искуситель. Согласно средневековым толкованиям Библии (основанным на тексте Быт. 3:14), змея была лишена ног за пособничество дьяволу после грехопадения, тогда как «нормальный» вид змеи — именно с лапками, как у дракона. Реально существующие «гады» — черепахи, ящерицы, в том числе даже хамелеоны — осознавались в средневековой культуре как змеи с некоторыми дополнениями: например, с крышкой панциря на спине, — ну а наличие ног у всех этих представителей «рода ехиднина» вполне естественно.

Змий на поясе царевны. Икона «Чудо Георгия о змие», нач. XVII в.

Еще одним драконоборцем неожиданно оказался предводитель аргонавтов Ясон. На миниатюрах Лицевого летописного свода Ивана Грозного (XVI в.) дракон с длинной верхней губой и торчащим языком изображается несколько раз, встреча с ним является едва ли не главным испытанием героя. Согласно более известной нам античной версии, Ясон должен был вспахать поле, укротив ужасных огнедышащих быков (или волов — халкотавров царя Ээта). А затем его задачей было справиться с воинами, появившимися из чудесных семян — зубов дракона, поверженного раньше другим героем, Кадмом. Про Кадма на Руси становится известно гораздо позже. В XVIII в. издается гравюра со сценой появления воинов из зубов дракона. На ней можно видеть, как Кадм по совету Аполлона бросает в почву последний зуб, а успевшие вылезти изпод земли богатыри уже всю воюют между собой в другой

Кадм и зубы дракона. «Овидиевы фигуры», XVII в.

части картинки. Из современных энциклопедий по античной мифологии можно узнать, что часть этих волшебных зубов достается и Ясону в качестве испытания.

Но древнерусский Ясон получает сразу после халкотавров живого дракона, «чешую грозна», да и златорунный баран тоже попадает к аргонавтам вовсе не в виде шкуры, что можно видеть на иллюстрации из Лицевого летописного свода. Откуда это взялось? Дело в том, что истории о приключениях большинства античных персонажей приходят к нам не напрямую из древнегреческих или древнеримских сочинений. Не стоит думать, что Античность попала на Русь и там, по неведению и небрежности наших предков, совершенно «испортилась». Разногласица в из-

Ясон, поразивший дракона. «Овидиевы фигуры», XVII в.

ложении мифов возникает уже в позднем эллинизме и Римской империи, то есть противоречащие друг другу версии рассказывались разными античными писателями. Затем европейские авторы в период Средневековья собирают доступное им античное наследие (к примеру, Гомер вовсе не был так популярен, как сейчас) и переписывают, пересоздают истории чудовищ и героев, исходя из своих интересов и норм морали. На свет появляются совершенно новые художественные и поучительные тексты с античными образами, известные с древности персонажи меняют характеры и роли. Именно такая переосмысленная Античность приходит на Русь, где, конечно, снова подвергается переработке, чтобы встроиться в новую культуру [13; 75].

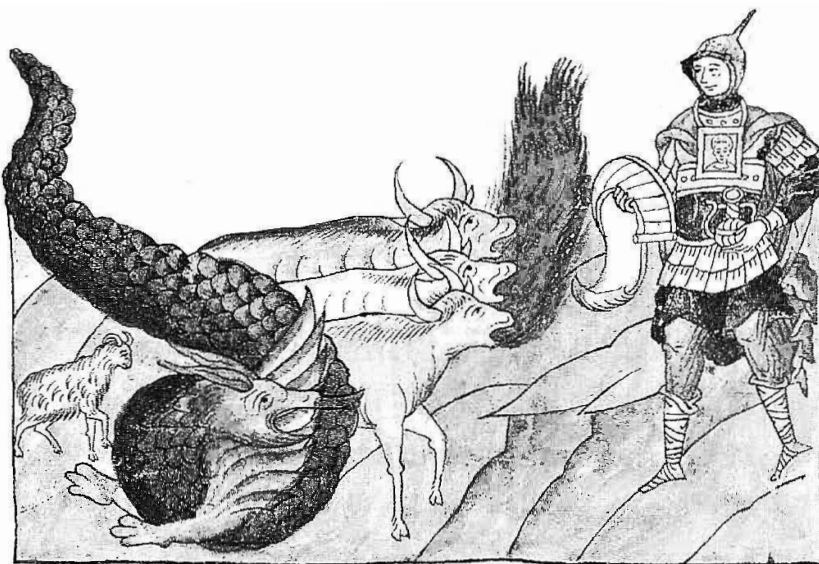
Огнедышащий змей, сопровождающий огнедышащих быков и даже подменяющий их, постепенно рождается из Колхидского дракона — сторожа золотого руна — или пораженного Гераклом стоголового змея Ладона. В западноевропейских сочинениях и на гравюрах с Ясоном живой дракон присутствует постоянно. Мотив борьбы со змеем в Средневековье становится устойчивым обозначением противостояния дьяволу, ну а чудесный овен довольно удачно соотносится с Агнцем Господним, так что в Европе в образе аргонавтов стали изображать рыцарей, апостолов и вообще ищущих спасения христиан [85: 205].

И все-таки русские мастера-миниатюристы уделяют этому дракону гораздо больше внимания, чем того требует текст. Змей появляется на шести миниатюрах подряд. На двух он свился, словно затаившись, ожидая своей очереди (Ясон тем временем укрощает волов), на трех развернулся и атакует, на последней попирается героем.

...Язон скоро и смело приходит ко змию. Его же егда же змей к себе приходяща возре, многим свистанием и велиим гласом и грозным поражая воздух, шум створити и испущая дымные пламени, ближней воздух теплым разжиганием и очервлением красит.

Лицевой летописный свод

Этот же змей Ясона потом попадает в очень интересное русское сочинение «Книга естествословная» (XVIII в.). Рассказывая об огромных огнедышащих быках с медными ногами, автор прибавляет к ним в качестве сторожа змея, который еще и свистит смертоносно, что само по себе и не ново для русских змеев. И быки, и змей, как и подобает чудовищам,

Испытания
Ясона.
Лицевой
летописный
свод, XVI в.

прежде всего сторожат сокровище (руно), как было и с Колхидским драконом. Испытания же со вспахиванием и засеиванием поля здесь отходят на второй план, потому что автора «Книги естествословной» вообще не очень интересуют античные герои.

...еще с ними и змий стрег или дракон превеликий, которой такожде изо уст своих испущал великое пламя, к тому ж имел глас престрашнаго свисту, от коего умирало всякое животно...

Книга естествословная

Впоследствии, в середине XVIII в., на Руси выходили переводные книги с изложением мифов, из которых становится понятно, что змей в конце концов «поглотил» халкотавров и даже умножился. Сказано, что царь Ээт «к руноу огнем дышущих змиев приставил», а Ясон «разумным советом царевой дочери змиев победил».

Дракон в тени

В XVII в. еще один похожий античный сюжет приходит на Русь в составе «Сказания о золотом руно волшебного овна» (это перевод из «Хроники» Мартина Бельского, польского текста XVI в.). Там воевода Ясона Геракл (называемый, как это бывает с еще не очень известными иностранными именами, то Еркулес, то Аркулес) случайно видит, как Гесиону, дочь царя Лаомедонта, приносят в жертву морскому дракону. Узнав от девицы ее печальную историю, герой без лишних слов убивает змея. Сцена поединка не описывается — для автора важнее роль, которую сыграло это событие в развязывании военного конфликта с Троей. На миниатюре

конца XVII в. с иллюстрациями к этой истории море буквально кишит таинственными животными. Сразу два морских змея нападают на Геракла и едва ли смогут избежать его дубины, однако сама битва не является центром композиции, да и змеи, несмотря на оригинальные прически, не слишком презентабельны.

Геракл избавляет Гесиону от чудовищ. Хронограф, XVII в.

Драконы остаются в тени человеческих поступков и в важном для русской культуры XVIII в. переводном тексте античного происхождения —

«Мифологической библиотеке» Псевдо-Аполлодора, который был переведен, дополнен разнообразными комментариями и издан в 1725 г. В этом обширном собрании античных сюжетов о богах, Геракле, Персее, аргонавтах и других героях неоднократно рассказывается, как наказанные богами цари «предложили» (то есть отдали) своих дочерей на съедение чудовищу, однако ни битвы, ни облик чудовищ совершенно не интересуют ни автора, ни переводчика. Сообщается лишь о намерении принести жертву, а затем — о последствиях спасения девы Гераклом или Персеем. Все эти однотипные монстры переведены как *киты*. Кит, угрожающий Гессиионе, даже ничтожен по сравнению с грозным соперником Георгия Победоносца. Он представляется как некий крокодил, «занесенный» половодьем, который, правда, гоняется за прохожими с известной целью.

...а Посидон напустил Кита, кои был занесен полою водою, который по полю людей ловил, а понеже божественные ответы сказывали, то будут эти напасти отменены, ежели Лаомедонт дочь свою Исиону отдаст Киту снести: того ради он к камням, кои были близ моря, привязав ее, Киту предложил...

...Андромеду обрел, предложена на снесь морскому Киту, понеже <...> Посидон с ними разгневався, послал на Кифею царство умножение вод и Кита...

Мифологическая библиотека

Конечно, и в XVIII в. победа над змеем остается классическим признаком героя. Но этот сюжет стал настолько общим, что превратился в шаблон, эмблему, иносказание с новым наполнением.

В Петровскую эпоху у драконов и змеевидных монстров появляется новый соперник — толстый крылатый мальчишка по имени Амур. Поединок змея и «божка любви» изображался

Амур и дракон, эмблема «Победу учиню над лютыми зверми». «Символы и эмблемата» (№ 696), 1705 г.

на эмблемах, изразцах, в наивных бытовых росписях. Неказистый с виду змееборец все-таки выходит из схватки победителем: так иллюстрируется торжество любви над ненавистью, завистью, злобой, принявшей вид змея (иногда многоголового). Грозная сила уступает нежному чувству: этот модный парадокс появляется на эмблемах, где Геракл сидит за прялкой или где змееборец Аполлон сам оказыва-

Амур и Геракл. «Символы и эмблемата» (№ 742), 1705 г.

Амур и Аполлон. «Символы и эмблемата» (№ 726), 1705 г.

ется под прицелом Амура (в первом издании девиз изобретательно переведен на русский: «Древле богов победитель любовь»).

Дракон на потеху

Популярная в течение XVIII в. переводная пьеса о Дафне и Аполлоне (1710-е, по мотивам произведения Самуэля Твардовского, 1638) тоже была посвящена модным темам любви и ненависти, а ее главный герой сражался с драконом. В начале действия зрители узнают, что ужасный Пито(н) — это очень быстрый змеевидный зверь, стреляющий ядовитым жалом, — постоянно нападает на пастухов и стада. Испуганные пастухи ругают чудовище злой скотиной и ждут помощи от Аполлона, который действительно убивает монстра стрелой из лука. Но поединок является лишь завязкой пьесы. Возможно, его даже не показывали зрителям, поскольку схватку словесно описывает пастух.

Пастырь 2:

Видящи видех: егда змий хождаше,
Аполлон смело его усреташе;
Он зубами скрежета и гласом шумящи
Аполлона вблизиности, пожрати хотяще.
Но он, налячаяй лук, в сердце уязвляше.
Славно избавление ввеки буди наше!

Дафнис, гонением любовнаго Аполлона
в древо лявровое превращенная

Впрочем, зверь Пито указан среди действующих лиц, и бой мог изображаться в виде пантомимы на заднем плане или же «через умбры» (театр теней), но пока об этом остается только гадать. Зато точно известно, что в спектакле принимают участие сирены, крылатый вестник Гермес, персонажи в виде звезд — словом, неизбалованному зрителю есть чем полюбоваться. Но основное внимание должно быть приковано к любовным страданиям Аполлона. Возгордившийся зме-

еборец легкомысленно превозносит себя над всеми стрелками и вообще героями, чем вызывает гнев

Венеры и Купидона. Ведь все величайшие воины, даже победители Колхидского дракона и Минотавра, побеждаются любовью. Мстительный Купидон при помощи своей волшебной стрелы заставляет Аполлона полюбить нимфу Дафну, страстно и безнадежно. Нимфу он нарочно от-

Аполлон и змей. «Символы и эмблемата» (№ 454), 1705 г.

вращает от героя, и вместо триумфатора перед зрителем оказывается несчастный влюбленный.

В пьесе «Акт о Калеандре и Неонилде» (1737, по мотивам переводного романа) победа над драконом даже не завязка, а проходной эпизод в череде других ярких сцен. Впрочем, дракон в режиссерской версии текста также указан как персона, и его действительно изображает актер, а не условная голова на палке. Сцена с появлением чудовища очень динамична. Ужасный морской змей о трех головах угрожает городу («прелюто угрызает вредно»), и даже царю грозит опасность. Как часто бывает, дракон совмещает в себе прожорливое чудовище и ядовитого змея: царь Атигрин опасается и «в челюсти змиины попасти», и что дракон «яд свой змеины в сердце пустит». Победителю змея обещана царевна и полцарства в придачу, так что желающие рискнуть находятся. Все заинтересованные в успешном исходе битвы приносят жертвы богу Аполлону, считая его покровителем змеборцев.

Агролим: Извольте зрети змия прелютейша.

Выходит зми из моря и бросаетца на всех

Алколес: Вижду и ужасаюсь онаго лютейша.

Атигрин, узрев змея, ужасаяс, глаголет.

Атигрин:

Ужас мя обдержит, егда узрел тако,
змия бо прелютаго вижду ныне всяко,
когда не видал его, не тако боялься,
ныне ж наипаче велма испужался.

Змий бросаетца на Атигрин-цесаря

Бросаетца, рветца на мя, ах ужасно.
Всех хочет проглатити истинно престрашно.
Помозите, любезны, истинныя други,
явите в сем деле сердечны услуги.
Убейте скорее, иль мочи не стала,
иль я, моя надежда конечно пропала.
Аще ж не убиете, вси будем пожреенны,
от онаго лютаго змия пояденны.
<...>

Агролим:

Апполоне, помогай мне споро,
да убью онаго люта змия скоро.

Агролим убивает змия. Убивши змия, глаголет, стоя на коленях:

Благодарю бога, славна Апполона!
Яко убил он престрашна Пифона,
тако и аз убих змия превелика,
страшна, треглавна, ужасна толика.
Се валяетца, як стерво, на брегу у моря...

Акт о Калеандре и Неонилде

Конечно, в эту эпоху представление с драконом нужно было прежде всего для развлечения публики. Освоенный театром монстр не только пугал, но и забавлял. Для сравнения: в средневековом театральном репертуаре, гораздо более назидательном, примерно ту же задачу выполняло появление на сцене прыгающих чертей или смерти с косой. Эти персонажи, страшные по сюжету, все-таки разрешались для демон-

Андромеда, Амур
и обезглавленный монстр.
«Символы и эмблемата»
(№ 728), 1705 г.

Амур спасает Андромеду, пока Персей сражается с чудовищем.
«Овидиевы фигуры», XVII в.

страции, но только в дни праздников. Призванные ужасать и внушать душеполезные мысли, на практике они все-таки развлекали зрителей (тем более развлекались юные актеры школьных театров, изображая смерть или какого-то inferнального персонажа). Даже поздние фольклорные записи наглядно показывают разгул чудовищных героев во время народных гуляний, наивное восхищение ими. Зеленые черти постоянно присутствовали на балаганных вывесках и участвовали в кукольных пантомимах (когда герои попадали в игрушечный ад, пылающий бенгальскими огнями). А. Н. Бенуа, вспоминая свои детские впечатления от ярмарочных спектаклей, признавался, что наибольший восторг вызывал в нем звук гонга, который в течение спектакля предупреждал публику о появлении чего-то страшного [26]. Нечисть и всякие дивные существа предъявлялись народу за отдельную плату внутри балаганов (разумеется, это были фальсификации, которые даже не всегда скрывались). Сообщения о пойманных в дальних странах монстрах попадали на лубочные картинки, которые продавались во время тех же увеселительных мероприятий. Воспринималось все это двойко: и в шутку, и всерьез. Зритель желал быть напуганным, одуроченным, пораженным [46: 139], и тут на помощь приходили экзотические монстры.

Но в древнерусской культуре дракон упоминался еще и с пользой. Борьба добра со злом была главной темой средневековой русской книжности. Подробные описания демонических персонажей считались нужными не столько для змеборца, сколько для простого человека, который занят самосовершенствованием, ведет «борьбу со змеем» в своей душе. Сюжетов о поединке с драконом в русской литературе очень много, похищенных и самобытных, но главное, очень

разнообразных. Князь Петр Муромский сражается со змием как рыцарь, при помощи волшебного меча, и ему нисколько не уступает епископ Эурейский Донат, победивший чудовище плевком (эта история изложена в русском стихотворении XVII в.). Чем больше складывается таких историй, тем больше появляется авторов, которые подходят к изображению чудовищ изобретательно и эмоционально. Описание дракона — персонажа неканонического и неуважаемого — трудно сделать неприличным, в отличие от более серьезных предметов [36: 88]. Оказываясь вне канона, чудовища эволюционируют гораздо быстрее, чем какие-нибудь ангелы. Они переходят из высокой книжной культуры в массовую, при этом смешиваются или, наоборот, стремятся к разнообразию, понимаются как символы или как реальные звери, которых стоит опасаться. Они особенно подвержены влиянию моды на новые темы. После огромной средневековой популярности в роли дьявола дракон XVIII в. несколько тушует на фоне фантастических приключений, лирических переживаний новых героев и громогласных гимнов земным правителям. Но и в новую эпоху диковинные змеи продолжают появляться в сборниках о загадочной фауне окружающего мира, а их символические изображения возникают в религиозно-философских произведениях снова и снова.

Глава 2

МЕДУЗЫ В ПЕЧАЛИ

Если бы мы могли попасть в русский театр начала XVIII в., хотя бы на «Действие об Есфири» (20-е гг.), то перед нашим изумленным взором, еще не искусственным зрелищным кино и даже цветными иллюстрациями, могла бы предстать грандиозная сцена коронации героини. Актеры выходят и поют славу царице, в торжественной песни звучат такие слова: «Стецытеся, музы, // Прочь, печалны медузы». То есть действующие лица просят муз собраться на праздник, а медуз — убраться прочь, сокрыться от очей и не портить торжество своими печальны-

Украшение с маской Медузы, VI в. до н. э.

ми лицами. По логике этого текста (и ряда других подобных), музы «отвечают» за радость, непременно сопровождаемую музыкой, потому что они — подчиненные, дочери или «другини» покровителя искусств Аполлона. А медузы — условно «анти-музы», то есть воплощения неудач и скорбей, которым в радостный миг не место на сцене. Парность муз и медуз образовалась во многом благодаря удачной рифме, но все-таки почему именно медузы стали печальными? Ведь противницами муз могли быть и, например, сирены, из перышек которых, согласно легенде, музы победоносно сотворили себе венки.

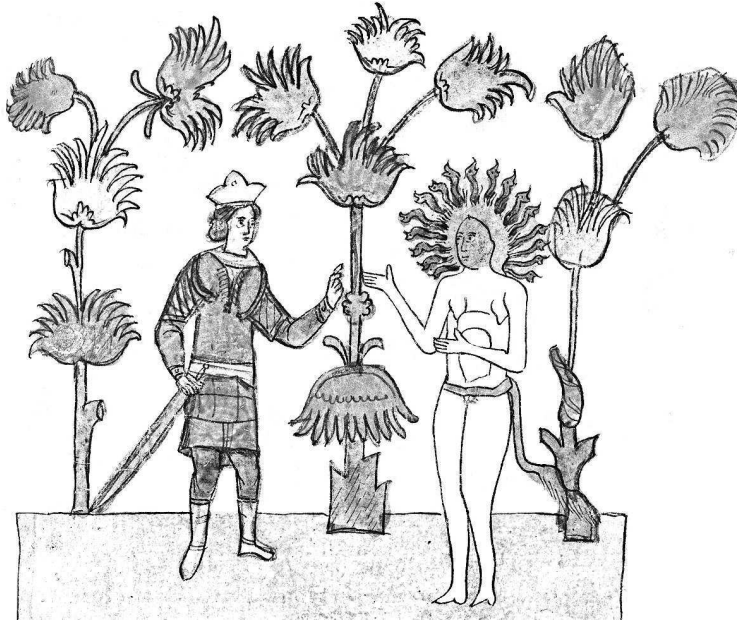
В песне про медуз речь идет, конечно, не о морских животных (которые еще не были известны под таким названием), а об умноженной Медузе Горгоне, которая стала разновидностью зловредного чудовища. Монструозная девица перенесла немало превращений, прежде чем попасть в спектакли в таком условном и обобщенном виде.

От чудища к герою

...И на пути сrete и отроковица едина, девою девица, обуена в страшныи власы глядящи. И став вопроси ея, глаголя: «Како ти есть имя?». И она рече с дерзновением: «Мидуса»...

Хроника Иоанна Малалы

Змееволосая девица Горгона была хорошо известна в древнерусской литературе. Первые рассказы о Медузе и Персее попадают на Русь через Хронику Иоанна Малалы (пер. X–XI вв.). Там, а затем в «Летописце Еллинском и Римском» (с XIII в.) появляется *Мидуса*, «в страшны одета волоса и глазастые». Но, в отличие от наших современников, образованный человек русского Средневековья наверняка сказал бы, что побе-

Встреча с Горгоной. «Александрия», XIX в.

ду над Горгоной одержал Александр Македонский (а точнее, его слуга-волхв по царскому приказу). Отсеченная смертоносная голова Медузы помогала легендарному завоевателю покорять многочисленные народы, а потому часто изображалась на иллюстрациях к «Александрии» — неоднократно переведенному и хорошо известному на Руси средневековому тексту (с XIII в.). Приключения Александра, с одной стороны, воспринимались как часть мировой истории, а потому включались в летописные своды. С другой стороны, они были очень увлекательным чтением: великий полководец не только воевал с царями, но и встречал разнообразных чудовищ, летал на грифонах, погружался в батискафе в океан и даже спускался в царство мертвых. Удивительные рассказы часто группируются вокруг прославленных героев — так же складывались

Встреча с Горгоной. «Александрия», XIX в.

циклы о похождениях барона Мюнхгаузена, Ходжи Насреддина, Геракла, рыцарей Круглого стола и так далее. Поэтому настоящая известность к Горгоне (правда, уже под именем не Медузы, а Горгоны) приходит через «Александрию» и «Физиолог» (сборник о символических свойствах животных, пер. с XV в.), где глава о змееволосом чудовище сопровождается рассказом о победе над ней, одержанной волхвом Македонского. В «Александрии» этот рассказ необходим для сюжета — чтобы узнать, как было получено смертоносное оружие. Но в «Физиологе» он стал одной из bestiарных рекомендаций общего характера о том, как ловить и укротить всяких диких зверей. Горгона, или девица Горгония, описана как опасное сластолюбивое существо, которое с помощью магии призывает животных, людей и убивает их силой взгляда. Чтобы об-

мануть чудовище, волхв облачается в царские одежды и называется именем своего господина. Поверив, что к ней идет сам Александр, Горгона соглашается временно на него не смотреть, а потому лишается головы.

Горгония девица имеет лице и перси и нози человечески и конев хвост...

↓

...имуци лице человеческое и перси, и нози имеет же и хвост конев...

из описаний Горгоны, XVII в.

На русских иллюстрациях Горгона приобрела лошадиные ноги. Как это произошло? Согласно пришедшему из переводных источников описанию, чудовищная девица имеет человеческие лицо, грудь и ноги, а также хвост коня. Именно такой она изображена и в греческих физиологах, и на некоторых русских миниатюрах-иллюстрациях. Струющийся хвост повторяет контуры копны пестрых змей на голове, но перед нами прежде всего женщина, которая привлекает и зачаровывает. Иногда роскошный конский хвост Горгонии обвит вокруг ног, словно змеиный, однако тело у нее все еще женское. А в некоторых рукописях в характеристику внешнего вида дивной девицы вкрадось маленькое текстовое искажение, вроде запятой в *казнить нельзя помиловать*, принципиально изменившее смысл. Лицо и грудь остались в «человеческой» части, а ноги были отнесены к конской вместе с хвостом. Косвенной причиной метаморфозы могла быть общая популярность на Руси кентавров и сходных с ними существ. Например, уже в следующей главе «Александрии» Македонский встречает телорогов — полулюдей-полузверей с оленьими рогами и парой лошадиных ног.

История о Медузе и Персее вновь приходит на Русь в начале XVIII в. В «Книге естествословной» (автор которой опирается на только что переведенную «Мифологическую библиотеку» Псевдо-Аполлодора) уже подробно рассказывается о трех сестрах, о любви Посейдона к красавице-Медузе и проклятии Афины Паллады. Правда, в этой версии уродством и магическими способностями наделены все три сестры: у них свиные зубы, медные руки и золотые крылья (что соотносится с античными описаниями).

Горгона. Физиолог Дамаскина Студита, XVIII в.

Горгоны здесь названы просто девицами, однако в следующей главе о чудесном коне Пегасе сообщается, что он рожден «от вышеписанной Медузы Горгоны».

О девицах. Есть в ефиопском острове древле царствоваху три девицы, царевы дщери. Две бессмертныя, одна смертна, однако велми прекрасна. Власы желты, яко злато. На нея же красоту уязвися бог морской, брат родны<й> Диев, и прельстяся, ляже с нею в храме богини Палляды. И за то Полляда претворила власы златыя в змеинныя. И бысть клубами <змей>, а зубы у них аки свинья, а руки медныя, а крыле златыя, которыми летали. И аще кто увидит, и обрацали их в камень...

Книга естествословная

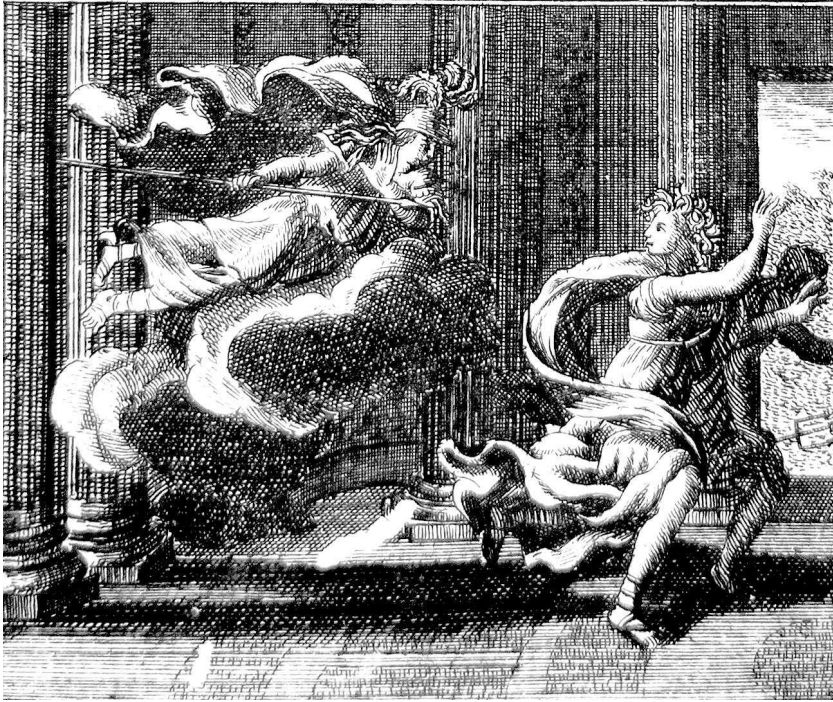
Горгона. Лицевой летописный свод, XVI в.

Ужасные описания сестер все-таки не делают из них настоящих монстров. Рассказ о превращении прекрасной златовласой царевны в чудовище вызывает сочувствие, а о хитроумной победе Персея (при помощи щита и чудесных предметов, взятых у нимф) автор «Книги естествословной» вовсе умалчивает. Близкое по духу описание есть в другой популярной книге — «Овидиевы фигуры в 226 изображениях» (это серия гравюр по мотивам «Метаморфоз» Овидия с короткими подписями, изданная на русском языке в виде книги в 1722 г., оригинальные рисунки были сделаны Шарлем Лебреном в XVI в.). В центре внимания — превращение Медузы из красавицы в чудовище. Это событие должно вызы-

вать сочувствие, тем более что на гравюре героиня изображена прекрасной и гонимой жертвой, а вовсе не монстром.

Медуза перед своею бедою зело была пригожа. А когда в себе пустила Нептуна в капище Палладыно, тогда Паллас тако озлобилась, что все власы Медузины обратила в змеи.

Овидиевы фигуры

Гонимая Палладой Медуза. «Овидиевы фигуры», XVII в.

К началу XVIII в. на Руси сведений о Горгоне накапливается достаточно, чтобы она стала узнаваемым эмблематическим персонажем, то есть художественной формой для выражения новых смыслов. В повести Гоголя «Портрет» главный герой говорит о своей картине: «Это Психея», — подразумевая конкретного персонажа, конкретный античный сюжет. Заказчики портрета понимают его слова иначе: «В виде Психеи?» — переспрашивают они, предполагая, что художник только воспользовался классической формой, чтобы изобразить реальную девушку. В XVIII в. в Россию приходит мода на эмблемы (в геральдике, дворцовых церемониях и даже флирте): античные персонажи теряют связь с исходными сюжетами и становятся

иносказаниями с достаточно свободной трактовкой в деталях. Особенность русской эмблематики состояла в том, что далеко не всегда античные персонажи были хорошо известны в своей первоначальной роли, а потому бывали странные искажения. Чтобы публика могла вполне овладеть языком эмблем, в это время переводились и издавались эмблематические словари с описанием древних персонажей и сюжетов.

Горгоны, дочери Форка Морского бога и Цеты; их было три, а именно: Медуза, Евриала и Сфекио. Стихотворцы говорят, будто оне живали не далеко от Гесперсакого саду, и будто имели силу превращать всех тех в камень, кои на них посмотрят. Представляют их со змеями на голове вместо волосов, с большими крыльями, и с львиными кохтями у рук и ног, а вместо человеческих зубов свинные у них клыки...

Аполлон и Музы употребляли его <Пегаса> для их путешествия. Древние думали, что сей чудесный конь родился от крови африканки Медузы...

Иконологический лексикон

В эмблематических словарях Медуза чаще всего упоминается в связи с Пегасом: обычно там нет ни слова о смертоносном взгляде, но нередко говорится, что героиня была африканкой. Видимо, эта характеристика связана с мифологическим происхождением Форкия, горгон и многих других дивных существ из Эфиопии. В отличие от Сциллы и иных человекоподобных монстров дальних стран Медуза все больше осмысливается именно как женщина, которой не чуждо все человеческое. Сегодняшнее представление о том, что лик Горгоны выражает страдание и не лишен красоты (в то вре-

мя как Сцилла — страшный дракон, бесчеловечное чудище-людоед), было заложено именно в культуре XVIII в. и развито писателями-романтиками.

Неправильные медузы

В пьесе XVIII в. «Слава печальная» Афина Паллада именуется «мудрости Горгона». Это оказалось не совсем понятным как для исследователей ранней русской драматургии, так и для современников автора. В более поздней рукописи его даже заменяют на еще менее вразумительное «мудрости Герiona» [59: 294]. Причиной такого наименования могли быть эгида (накидка) или щит с головой Медузы, которые носила Афина.

Главу же нарече «горго», быстрья ради помощи и соодоления на супостаты.

Летописец Еллинский и Римский

В словарях XVII в. встречаются иностранные слова *горгоний* и *горгония*, которые обозначают быстроту. Голова Медузы, ставшая смертоносным оружием, тоже осмыслялась как быстродействующее средство против врагов. Видимо, из-за сходства названий, связываемых с внезапностью атаки, произошло сближение Горгоны с апокрифическим зверем горгонием, который сам по себе не связан с сюжетом о Медузе.

В Средневековье считалось, что человек создан начальником над всеми зверями, именно он дает имена животным (Быт. 2:19–20). Согласно апокрифам (это тексты, не признаваемые Церковью как канонические, но тем не менее читаемые, переписываемые, ощутимо воздействовавшие на культуру) XV–XVI вв., в раю все создания были настолько послушны,

Медуза на эгиде Афины Лемнии, на основе статуи I–II вв. н. э.

что не смели ни поест, ни прилечь без разрешения Адама. Эти же звери, оказавшись на земле (куда они были отправлены после грехопадения для пользы человека), сделались дикими: лев больше не дружил с ягненком, лисы ополчились на кур, а волки со змеями — на самого «царя природы». В апокрифических текстах есть интересный рассказ о том, как Ева со своим сыном Сифом пытается пройти в рай, чтобы раздобыть лекарство для заболевшего Адама. На них нападает лютей зверь горгоний, не давая исполнить задуманное. Как выглядел этот горгоний — неизвестно. Ева упрекает страшного

зверя, которого еще недавно держала и ласкала: «Как ты смеешь рычать и клацать зубами на нас?». Но бывший ручной зверь, исполненный ныне дикости, только огрызнулся в ответ, за что даже был принужден Сифом уйти и больше не показываться до Страшного суда. В позднем списке заклятие изгнания звучит даже поэтично: «Да пребудеши в ложи своем и до суда, егда како дерзаеши на снеды человека — и тако пребываеши во веки» [38: 6]. В некоторых рукописях с этим апокрифом место горгония занимает крокодил.

Другим существом, которое по ошибке называли Медузой, стала фея Мелюзина, попавшая на русский лубок XVIII в. в очень странном виде. История о Мелюзине — вариант сказки, больше известной у нас в связи с Царевной-

Мелюзина. Лубок, XVIII в.

«рыба-мелюзина во окияне-море живет близ ефиопския пучи<ны>»

лягушкой. Согласно средневековой легенде, прекрасная фея, став супругой рыцаря, не разрешала лицеизреть себя по субботам, поскольку во время еженедельного купания нижняя часть ее тела превращалась в змеиный хвост (иногда на иллюстрациях появлялись и драконьи лапы). Русский лубок изображает четвероногое существо с головой девы в короне, сопровождаемое рыбами (они составляют орнамент, располагаясь по контуру тела, и с точки зрения зрителя словно вырастают из него). Ее ноги вместо стоп завершаются песьими или драконьими головами, и в целом изображение больше напоминает Сциллу.

Надпись на сохранившихся листах настолько плохо распечатана, что неправильные наименования персонажа — *медуза*, *рыба-медуза*, *рыба медузина* — встречаются даже в научной литературе. Впрочем, автор «Книги естествословной» (XVIII в.) разобрал название верно и на основании раскрашенной лубочной картинки составил описание экзотической твари, включив ее в раздел рыб [8]. По этому тексту хорошо видно, как средневековые представления сменяются рациональным, прикладным подходом XVIII в. В Средневековье обыденность довольно четко отделялась от мира книжных образов и легенд. Зримые предметы подлежат тлену, а все невидимое и умозрительное, о чем часто шла речь в книгах, — достояние вечности. Но автор «Книги естествословной» все прочитанное им в разных источниках (а прочитано немало) систематизирует, собирает в один текст и пытается использовать эти сведения именно для описания окружающего мира. Он соотносит нарисованных на картинке рыб с известными ему реальными видами, лососем и сигом. Он задается вопросом, как это существо будет двигаться и жить (ведь у него на *плеснах*, то есть стопах, растут головы). Он включает в опи-

сание Мелюзины свои знания о слонах — он настоящий энциклопедист, и его взгляд на мир отличается цельностью, не смотря на увлечение чудовищами.

О мелузине. Мелузина есть некая рыба, которая чудновидна имать глава бо ея человека женским подобием, аки девица прекрасна, и распущенныя черныя власы. Главу имать яко царским венцем увенчанну, чрево же зверино и зело велико и округло, хвост или хобот подобен великому дракону, и паки вензелом сплетенным, в конце же своем имат главу драконову, и яд в ней имат зело лютеиший и смертоносный. Имать четыре ноги зело толсты, подобны слоновым: и безколенны, и безсоставны; и вместо копыт или плюсна, или лап по концам их имат закривляемыя главы змиевы с лютым же ядом смертоносным; и когда на них ходити имать — и оны главы тогда вверх закривленны от земли бывают. Под шеей же и на груди, и на местах позади, под хвостом, где калоизметный проход бывает, и под чревом, идеже детородный зверский уд бывает, имать прирослыи виду рыбия подобня, аки бы сига или ло<со>ся. Тело же страшное и твердою чешуею и зело цветовидною покровенно суть. Живет же во окиане западном, в самой глубине морской, и того ради ретко от ловцов уловяема бывает.

Книга естествословная

В славянском фольклоре (на юго-западе современной Украины) *мемозинами* [17; 25] называли русалок-фараонок. И хотя Мелузина западноевропейских средневековых преданий прямо не связана с Медузой или сиреной, их сближение неслучайно. Образ чудовищной девы, которая роковым образом сочетает красоту и монструозность, очень популярен в культуре. Контраст привлекательного и отталкивающего

го был настолько важен при пересказе легенд, что не всегда понятно, влияют ли подобные тексты друг на друга или создаются заново как типовые.

В XVII в. с польского языка был переведен роман про Мелюзину («История о Мелюзине-королевне и о чудных ея детех, и о городе Лозане»), изданный и читаемый на Руси. Раскрывая тайну субботних омовений жены рыцаря Раймунда, автор описывает нагую Мелюзину прекрасной до пупа, но с жирным драконьим хвостом вместо ног. Похожее определение красавицы с хвостом «превеличайшего дракона» будет дано в «Книге естествословной» и Ехидне, и Гидре, и Дельфине.

...узре сидящу во источнице нагу, аки перст, лепого образа и тела и всех составов даже по пупа. Но от пупа велий хвост деibel, аки у великаго змия масть...

История о Мелюзине

Новый поворот

В сборниках с иллюстрированными поучительными рассказами и даже на фресках в Древней Руси был распространен сюжет о грешнице, мучимой псами, червями и другими казнями в соответствии с ее скверным поведением при жизни. В частности, змеи впивались ей в голову и смотрелись вроде парика, заменяя волосы.

«Вместо власов главы моя ящерица» — поясняет грешница, подразумевая под ящерицами вытянутых гадов вроде пиявок (так в Средневековье описывали и змею, и хамелеона, и даже черепаху). Конечно, это не совсем Медуза, но образы переплетаются [4: 47]. На древнерусских изображениях и страшные inferнальные персонажи, и грешники могут